

**Двери белые и черные. — Зал пустых зеркал. — Непостижимая бесконечность. —
Электрические звонки. — Безмерное блаженство**

Стеклянная улица кончается решеткой от пола до потолка. На дверце в решетке надпись:

ЛИФТ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ

Принцесса открыла дверцу, нажав дужку над "И".

Они очутились в небольшом квадратном помещении, сплошь обитом кожаными подушками. На одной из стен — панель с тысячью белых кнопок.

— Это этажи. Каждая кнопка — этаж. Этим путем я бежала, когда еще верила в звезды...

Брок с благодарностью погладил ее по руке.

— Спасибо! Это для меня крайне важно! Да-да, ведь таким образом я промчусь по всему Муллер-дому! Но прежде всего я сдержу слово, которое дал Муллеру!

Он нажал кнопку с цифрой 354. Кабина даже не дрогнула. Лишь серебристая стрелка под стеклом мгновенно опустилась к цифре 354.

— Приехали, — сказала принцесса.

— Ну, теперь ты возвращайся. Никто не должен тебя видеть на этом этаже.

На прощанье они обнялись.

— Если я не вернусь...

— Я приду за тобой!

Дверь лифта открылась, и Брок шагнул в пустой белый коридор, до того прямой и длинный, что вдали стены его, потолок и пол сливались в одну точку.

По обе стороны тянутся двери. Белая, гладкая вереница дверей, как в сумасшедших домах и в больницах. Двери, сплошные двери, одного цвета, одной величины, с одинаковыми ручками, одинаково таинственные, тянутся они в бесконечность, храня упорное молчание, без номеров, без надписей...

Как же найти нужную? Девяносто девяную!

Брок мягко толкнул первую.

Заперта!

Вторую.

Заперта!...

Боже мой, куда они все ведут?

Что мне с ними делать?

Что за ними скрыто?

Анфилада проходных комнат?... Что задумал Муллер, пригласив его в эту аллею белых дверей? Каково их предназначение? Кто за ними живет? Ведь изнутри не слышно ни звука, и коридор в гробовом молчании уходит в бесконечность... Сколько надо времени, чтоб нажать на все ручки?

Заперто... заперто... заперто...

Та— ак... чем больше дверей, тем меньше сил во мне.

Брок наудачу зашагал по коридору. Ведь где-то он обязательно кончится. Сыщик мчался вперед, но белая точка в конце, где сходились стены, с той же скоростью удалялась от него. И вскоре он почувствовал, что совершенно бессилен перед врагом, имя которому «бесконечность»...

И вдруг — Брок замер. Черная дверь! Это было так неожиданно, так резко хлестнуло

по глазам. Среди тысяч белых дверей — одна черная!

На ней небрежно, как бы второпях, было накарябано мелом — 99.

И ничего больше.

Наконец — то он у цели!

У цели? Скорее всего, это новая ловушка! Капкан — и ты, дурачок, в него попадешь. Там приманка — Огисфер Муллер, кусочек сала, который ты ищешь, только сунься, а за тобой — хлоп!

Да, я все это знаю, есть там и яма-западня, но желание схватить кусок сала порою сильнее страха смерти, особенно когда смотришь на него в упор, да еще с голодухи. Но я, господин Муллер, та мышь, которая и сквозь решетку западни проберется!

Брок с опаской огляделся. Вокруг ни души. Тогда он тихонько взялся за ручку. Дверь приоткрылась, и он скользнул внутрь, чтобы осмотреть комнату, прежде чем встретиться здесь с таинственным Муллером.

Над головой раскинулся зеленоватый купол. Больше чем купол! Он был под стеклянным колпаком, плотно, без малейшего зазора прижатым к полу, даже стыка не видно.

Не зеркало ли это?

Гигантское пустое зеркало, вогнутое зеркало, пожирающее Брока. Но как узнать, что это зеркало? Ведь отражать ему здесь нечего, крутом только пустота. Брок быстро повернулся к двери и в ужасе остолбенел: дверь исчезла! Растаяла в зеленоватом ничто.

Брок ощупал стены. Монолит! Пол, потолок, стены сливались воедино, образуя безупречный шар. И хотя Брок не видел своего изображения, тем не менее это было зеркало! Полированная внутренность шара отражалась сама в себе и казалась бесконечно глубокой.

Обманчивая, непостижимая бесконечность — замкнутый круг перехода от стеклянного купола к плоскости пола. Но и сам пол — зеленоватая бездна несчетных отражений светлозеленого свода.

А дверь — дверь исчезла...

Но почему же в этом замкнутом, пустом шаре светло? Ведь источника света здесь нет. Может быть, зеркала освещают сами себя? Может, свет льется из них?

А если б он был видим? Как бы все это выглядело со стороны?

Брок в изумлении застыл посреди гигантского шара. О, какое безмерное блаженство — не знать, летишь ли ты вверх или падаешь, парить в пустоте, где нет направлений, ощущать невесомость, ибо все стороны света одновременно и притягивают тебя, и отталкивают!

Петр Брок пошатнулся от этого головокружительного блаженства. Но едва сделал шаг по блестящей глади зеркала, как внизу, прямо под его ногой, взвизгнул электрический звонок. Брок отскочил вбок — под мыском ботинка опять раздался звонок, точно он нажал кнопку на стене... Брок попробовал на цыпочках уйти с предательского места. Но тщетно! Что ни шаг, то сигнал — весь пол усеян скрытыми кнопками. Где бы он ни поставил ногу, сразу же слышится пронзительный трезвон...

Брок было заметался, но скоро сообразил, что это бесполезно, что он — в ловушке, в ловушке номер 99, которую расставил ему Огисфер Муллер! И не за что ухватиться, и некуда спрятаться...

XXXIII.

Миллион великанов... — Бешеная гонка по кругу. — Пойманное ничто. — Окошко на вершине купола. — «Он жив?» — Что нужно запомнить...

И вдруг дверь открылась. Не одна, нет, несчетное множество дверей теснятся друг

возле друга и друг за другом в бесконечных шеренгах. И из всех выходят полураздетые великаны в широких красных поясах. Похожие как капли воды. У всех маленькая голова, волосатая грудь, а через плечо переброшена сеть. Миллион великанов как бы выходит из морских глубин.

Под резкий вопль звонка Брок кидается к одной из дверей, но наталкивается на округлую стену. В этот миг все двери исчезают, великаны вступают в зал и начинают раскручивать сети над головой. Их фигуры чудовищно перекошены, лица искажены и вытянуты в бесконечной цепи отражений. Миллионы сетей со всех сторон нацелены на Брока. Начинается бешеная гонка по кругу. Брок мечется, скользит, увертывается, прыгает, налетает на стены. Но этим исчадиям ада известен каждый его шаг.

Если стряхнуть зеркальные наваждения, то ясно охотник с сетью всего один, и движется он в ограниченном пространстве. Но окаянные звонки под ногами Брока неумолимо визжат: я здесь! Я здесь! По этим звонкам великан и ведет облаву. Сеть все чаще проносится над головой Брока, падает все ближе. Спасенья нет! Но так просто Брока не возьмешь... Кулаком в грудь, по физиономии, ногой в живот. Однако нога отскакивает, как мяч от стенки.

В изнеможении Брок падает на зеркальную поверхность. Широкая сеть накрывает его, охватывает все плотнее. Грубые веревки скручивают тело в три погибели, прижимают колени к груди, врезаются в кожу; от страшной боли Брок зажмуривается, в глазах у него темнеет...

Последнее, что он видит, — это маленькое окошко и центре купола. Оно открывается, и в нем появляется лицо. Отвратительная желтая физиономия, рыжая бороденка, расщепленная надвое, вместо носа — черные дырки, нижняя губа темная, отвислая, будто гниет. Потом раздался голос:

— Он жив?

— Жив! — выдохнул великан, утирая пот со лба.

Но эти два голоса отозвались уже как бы из его старого сна... Пахнет карболкой, над ним склоняются два человека в пожелтевших халатах. Один из них трогает носком сапога серые кучи, потом брезгливо откидывает с его лица край халата.

— Жив! — разочарованно повторяет нетерпеливый голос.

Брок с усилием поднимает веки, стремясь убедить кого-то очень сильного и здорового, что пока не умер...

Сквозь завесу духоты и вони он видит желтый огонек. Вон светится между толстыми балками, поддерживающими свод этой обители смерти... Два пышущих здоровьем человека кладут на носилки что-то тяжелое. Жилы у них на руках набухают, и они в ногу — раз-два! — шагают по проходу между нарами. Видны лишь удаляющиеся сапоги...

Все это так странно, так непонятно и в то же время так просто! Достаточно прикрыть лицо краешком халата — и все это исчезает, кончается. Один только краешек халата! Это надо запомнить!

XXXIV.

«Пойманного дьявола боитесь!» — Каким видел Петра Брока в свои линзы слепой Орсаг. — «Что за бесстыдство...» — «Он красив?...»

Очнувшись, Петр Брок обнаружил, что все еще опутан сетью, хотя веревки ослабли. Можно было разогнуться. Он находился в грязной, заброшенной кухне. В одном углу — полуразвалившаяся плита. На стенах — светлые прямоугольники от висевших здесь когда-то картин. В другом углу — куча кухонной утвари.

Множество незнакомых лиц вокруг. Глаза вытарщены, все сгорают от любопытства. От края сети до ближайших зевак — добрых три шага: эта дистанция

самолюбия не ущемляет, зато и вполне безопасна.

А сеть и в самом деле странная. Она не падает на пол, будто ждет кого-то. Просто воздухом, без улова, сети не наполнишь. Пустая, она должна упасть плоской бесформенной кучкой. А эта сеть словно натянута, охватывает как бы нечто овальное, однако неуловимое. И ни один из присутствующих не отваживается тронуть это шевелящееся, живое ничто.

— Эх вы, рыцари! Пойманного дьявола боитесь!

Молодая женщина в пестрой короткой юбке пробивается вперед.

— Я, я подойду! Я не боюсь! Хоть мизинцем, а дотронусь!

— Да пустите вы ее. Ишь, дотронуться приспичило! Банкир Салмон этак тоже пальца лишился!

— А почему она попадет непременно в пасть? Может, совсем в другое место, хе-хе-хе!

— От карающей длани господина Муллера ему не уйти! — покачал головой бородатый старик.

— Злого бога поймали в сеть!

— Что же он с ним сделает?

— Утопить его надо!

— Повесить!

— Задушить!

— Тоже нашлись советчики, всеведущему советы даете!

Это произнес поймавший Брока великан. Его так и распирало от гордости. Ревниво охраняя свою добычу, он ходил вокруг, как зверь, готовый к прыжку. Но в это время пестрое кольцо зевак разорвалось и образовало коридор — от сети до дверей.

Вошли два человека. Первый — высокий старик с красивым, благообразным лицом человека моложавого и цветущего. Из-за орлиного носа и жестких синих глаз он здорово смахивал на переодетого в штатское военачальника. Толпа перешептывалась, все взгляды устремились на него. А за ним — о ужас! — идет слепой Орсак с линзами на висках.

Военный твердой, уверенной поступью прошагал по людскому коридору, подошел к самой сети и небрежно, будто мешок с грязным бельем, пнул ее ногой. Потом спросил Орсака:

— Как он выглядит?

Брок задрожал.

Неужели этот слепой меня видит? Ведь я сам не знаю, как выгляжу! Вдруг мне сейчас об этом скажут? Боже мой, как я боюсь этих круглых линзочек, они вонзаются в мою душу! Я боюсь, боюсь глянуть в них!

А слепой Орсак уже подкручивает колесики за ушами, наводит на резкость. Волосатый гигант первым нарушает всеобщее молчание, задает вопрос, который у всех на языке вертится:

— Ну, Орсак, скажи — во что он одет?

— Он вообще не одет! Он голый!

— Голый!!!

— О-о-о-о!... — Сердечки дамских губок от ужаса округляются.

— Какое бесстыдство!

Одна из дам, с напудренным бюстом, выпирающим из глубокого выреза, падает в обморок.

Другие бросаются прочь.

А Брок ликует!

Слепой не видит моей одежды! Какое счастье!... Ведь у меня в кармане бумажник с документами! Если б Орсак его увидел, мне конец!...

Орсак между тем приблизился к Броку, чтобы получше рассмотреть его.

— Он весь белый! Белые глаза, белые губы, белые волосы! Думаю, у него и кровь

белая! — Профессиональным жестом барышника он раскрыл Брок рот и сказал: — Ему тридцать лет.

К тому времени женщины успели опомниться. И опять подошли ближе.

— Он красивый? — спросила брюнетка с цыганскими глазами.

— Что за вопрос, Лаура, милочка! Ведь он же голый!

— Ну зачем же сразу думать о самом худшем...

— И вы, графиня, смеете...

— По-моему, он прячет свою наготу куда надежнее, чем многие из нас!

— Да ведь он совсем не одет!

— Вы его так себе представляете?

— Какая богатая фантазия!

— Кандалы! — прогремел военный, обращаясь к волосатому гиганту; голос его перекрыл общий шум, словно на мостовую упала тяжелая чугунная цепь. Приказ немедленно исполнили.

XXXV.

Опять все начинается с лампочки. — Петр Брок держит слово. — Ночь, планы, побег. — Распадается королевство — Не будет счастья в мире, пока стоит Муллер-дом

Брок лежит в полузабытьи, прикованный ногами и руками к бездонной тьме. Нет в этой глубокой пропасти ни дней, ни ночей. Лишь изредка вспыхивает желтый огонек, тускло освещающий трухлявые чердачные балки...

Помещение это, полное серых балахонов, — уже во сне. У Брока неожиданно появилось и тело, отчетливо видимое, измученное болью, прикрытое вонючими лохмотьями.

Время от времени, пробудившись от таких снов, Брок неизменно благодарил бога за то, что у него вообще нет тела, что он — лишь голос, пойманный в сети...

И вдруг бездна, где нет ни времени, ни пространства, разом исчезла. Вспыхнул свет, а вместе с ним вернулось пространство, ограниченное белыми стенами. И тотчас послышался голос:

— Милый мой, любимый, где ты?

Принцесса!

Ее рука еще на выключателе, а глаза уже нашли его, Брока.

Она в черном, как и в первый раз, когда он увидел ее у окошка «Вселенной».

— Принцесса!

Путы спали, он с наслаждением потянулся, выпрямил ноги, напряг мышцы.

— Идем!

Она взяла его за руку, и они осторожно, на носках, вышли из комнаты.

Центральный лифт.

Темные коридоры, мертвые лестницы, и снова — залы, залы...

Но в руке у принцессы сияет электрическая звездочка, указывающая путь своим единственным лучом.

— Сейчас ночь? — прошептал Брок.

— Да, ночь! Но Муллер может превратить ее в день, когда захочет! Узнай он, что мы бежали, разом бы зажег над нашими головами все уснувшие солнца. Поэтому надо поскорее выбраться из Муллер-дома.

— Выбраться из Муллер-дома? А ты знаешь дорогу? Ты смогла бы отсюда бежать?

— Ну конечно же, мой странный незнакомец! Ты доволен мной? Пока тебя, несчастного бога, ловили в капкан, я готовилась к побегу.

Брок покачал головой:

— Выбраться из Муллер-дома — нет, это невозможно! А если все-таки возможно то почему ты давным-давно не убежала в свое королевство?

— Одной мне не справиться! Но я придумала отличную штуку! Я знаю, где -живет лорд Гумперлинк, тот, который похитил меня из родного дома... Ты сыграешь роль Муллера. Вернее, его голоса. Прикажешь Гумперлинку отвезти меня туда, откуда украл... Лорд ни о чем не догадается! Все распоряжения подданным отдает голос Муллера. Ни один из них не видел его лица! Что ж, посмотрим...

А принцесса, захваченная своим планом, шепчет:

— Там есть воздушный порт! Площадка висит в воздухе, наподобие столешницы, одним ребром прикрепленной к Муллер-дому. Стальные ласточки слетаются туда днем, когда Муллер снимает золотой урожай. А вот ночью я увидела мертвый сон этих крылатых яхт. Среди них я отыскала маленькую синюю птичку, двухместную. Ты и я... Мы полетим в наше королевство...

Она умолкла, словно уже готовилась к отлету. Ее слова сулили дальний путь и счастье в конце его. Но голос рядом с нею отозвался глухо, как из-под земли:

— Я не могу! Не имею права! Ты улетай, а я, я останусь!

— Тогда и я останусь! — воскликнула принцесса.

— Но где же я укрою тебя, как уберегу от его мести? Сам я могу спрятаться в луче света. И даже в его собственных зрачках! Но как быть с тобой? Как спрятать твои глаза от его глаз? Твои руки от его когтей?

— Милый мой, я сама прекрасно знаю, какая мне грозит опасность. Сколько раз я бежала, но сейчас я уверена, эта попытка — последняя! Он позволял мне убежать и ловил меня, когда эта игра ему надоедала... Он издевался надо мной вместе со своими агентами и шпиками, что каждый раз оказывались да моем пути. Сегодня, рядом с тобой, я уже не боюсь его! Меня страшат лишь его солнца, стерегущие нас во тьме. Сегодня в последний раз, я уверена... Но как я уйду без тебя? «Синий колибри» ждет, идем, спаси меня!

Мой отец, последний король из рода белобородых, льет на троне слезы. Ведь королевство оставить некому. Единственную дочь похитил у него негодяй, а у подножия башни уже вырос первый побег шиповника...

Парк вокруг замка одичал.

Ветви платанов трутся о стены, обдирают штукатурку.

За башенные зубцы цепляются кроны лиственниц.

В окна тянутся кусты сирени, парадную лестницу обвил плющ, на карнизах цветет вереск да тимьян...

Опочивальня моя зарастает дикими розами...

— Бедная, печальная ты моя сказка! Тяжело мне разлучаться с тобой, но я не могу покинуть Муллер-дом... А ты не можешь остаться. Лети домой! Жди! Расскажи своему белобородому отцу, какой у тебя странный жених. Настанет день, и он придет за тобой. День этот будет самым обыкновенным, самым будничным. Даже ты меня не узнаешь, потому что — увидишь! Я сам еще не знаю, что со мной станет, когда я убью Огисфера Муллера. Что-то исполнится, что-то минует, погаснет чудовищный огонь! Что-то рухнет... Этот невысказанный, невообразимый колосс в тысячу безумств, что давит мне на мозг чудовищной тяжестью! Ведь он высится над миром как безумное порождение большого рассудка! Черная тень его накрывает и твое родное, угасающее королевство на краю света...

Не будет счастья и мира на Земле, пока жив Муллер и стоит Муллер-дом!

Но он рухнет!

Сам собою рухнет, когда погибнет Он!

И тогда сознание мое прояснится и взойдет солнце...

Принцесса слушает, но ее скрытые тьмою уста крепко сомкнуты.

Все комнаты и залы, которыми они идут, похожи друг на друга своим бархатно-

черным безмолвием. Всюду великое множество странных предметов, как попало разбросанных по каменным плитам, паркету, коврам. Тьма лишила их имен, отняла самое суть. Так они и плавают по дну комнат, черные, угловатые, злокозненные. Нежданно-негаданно появляются на кончике луча, как на кончике удилица, — изломанные грани, причудливые осколки, осклизлая, бесформенная масса. Ноги обо что-то спотыкаются, скользят, вязнут. Что-то трещит, булькает, липнет к подошвам. Сюда лучше не ступать...

— Какие мерзкие вещи, — шепчет Брок.

— Это не вещи. Это — их смерть! Гибель вещей!

— Какая гибель?

— Их уничтожили в оргиях. Таков «рай» после ухода небожителей. Надо спешить, чтобы не встретиться с армией рабынь, которые придут чистить этот небесный хлеб.

XXXVI.

Переулоч Воздухоплавателей. — Морская Чайка — лорд Гумперлинк. — Солнце над Муллер-домом. — Брок прощается с принцессой. — Сиденье рядом с нею остается пустым

Они долго блуждают в лабиринте узких улочек, чьи названия как бы просыпаются, сбросив покров темноты и потягиваясь в неярком свете луча от принцессина фонарика. Наконец перед ними переулоч, который зовется

ПЕРЕУЛОК ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЕЙ

На стальных дверях с выпуклыми шляпками кованых болтов написаны экзотические имена муллердомовских пилотов:

АРОН КОРКОРАН штурман «Плачущего лебедя»

АХИЛЛ МОБИЛЕС капитан «Разбойника»

ДУГЛАС ГУЛЛИВЕР парашютист

ЧЕРНЫЙ ВЕТЕР придворный аэронавт Южного Креста

ГРАФ ЛЮСЬЕН Д'О аэронавт

РЭМ МАЙОРЕСКУ акробат на «Альбатросе» — быстрее звука!

ЛОРД ГУМПЕРЛИНК Морская Чайка

— Пришли, — прошептала принцесса, остановив Брока у этой двери. Дверь была заперта, ключ вынут, в замочной скважине — тьма.

План действий сложился быстро. Принцесса отошла в конец улочки и потушила электрическую звездочку. Брок приложил губы к замочной скважине и крикнул в темноту:

— Лорд Гумперлинк, Морская Чайка! Немедля заводи «Синего колибри» и будь готов к вылету!

Брок прислушался — тишина.

Заглянул — тьма.

Тогда он повторил приказ погромче. На этот раз за дверью раздался шорох. Но вскоре вновь наступила тишина.

Тогда Брок крикнул в третий раз.

Наконец— то! Шорох сменился топотом босых ног. Кто-то тихо выругался. И вот уже замочная скважина осветилась.

Растрепанный человек в пижаме недоуменно вертит головой. Сейчас, сейчас он подойдет к двери и отворит ее. В руке у него револьвер, в глазах — подозрение и готовность пристрелить того, кто кричал в замочную скважину.

Глухая тьма зевнула открытой дверью. Человек в пижаме шагнул за порог и недоверчиво посмотрел по сторонам. Брок меж тем проскользнул в спальню, прыгнул на стол и встал под стеклянным глазом в потолке. И когда лорд Гумперлинк вернулся к себе, Брок опять подал голос.

На этот раз как бы с потолка

— Лорд Гумперлинк, Морская Чайка! В конце переулка Воздухоплателей тебя ждет черная дама! Это принцесса Тамара, которую ты похитил по моему повелению. Приказываю тебе немедленно доставить ее туда, откуда ты ее привез. Такова моя воля.

Лорд Гумперлинк слушал этот приказ, вытянувшись по стойке «смирно», руки по швам, пальцы растопырены, на лице — выражение благоговейного ужаса.

— Слушаюсь, мой Повелитель! — И он быстро начал одеваться. Надел кожаный мундир, шлем с застекленными прорезями для глаз, зажег факел и вышел из дому.

В конце переулка его ждала принцесса. Багровый свет факела вырвал из темноты ее черную, безмолвную, прислонившуюся к стене фигуру.

— Следуйте за мной! — Факел лорда Гумперлинка качнулся вперед.

Брок осторожно двинулся за ними.

Они подошли к железным воротам. Морская Чайка поднес факел к черному кольцу, прорезанному в ноздри стального льва, хранителя этих ворот. А мгновение спустя, когда кольцо закоптилось, створки ворот бесшумно распахнулись.

Яркий дневной свет ворвался в темноту.

Огромный солнечный диск купался в небесной сини. Фантастическое зрелище!

На миг Брок ослеп.

Солнце!

Настоящее, живое солнце!

А здесь — ночь.

Он стоял на широкой площадке, с трех сторон окаймленной стеклянными ангарами. В одном из них исчез лорд Гумперлинк.

Брок подбежал к принцессе.

— Прощайте! Прощайте!

И, не найдя других слов, стал молча целовать ее глаза, лоб, волосы.

Еще на секунду ему даровано счастье обнимать ее, а она повисла у него на шее, запрокинула голову, вся трепещет и улыбается пылающему солнечному диску.

— Ты придешь? Обязательно придешь за мной?

— Приду! Обязательно приду!

— А как я узнаю тебя? Скажи мне одно лишь слово, то, которое шепнешь мне, когда придешь к нам... Скорее, скорее скажи мне его! Чтобы я тебя узнала...

В ангаре заработал мотор. Принцесса вздрогнула.

— Ну, милый, кто же ты?

— Петр Брок!

Принцесса вырвалась из его объятий и широко открытыми глазами смотрела на него, в пустоту.

— Петр Брок? Ты — Петр Брок?

— Да, а ты меня знаешь?

— Я никогда не видела Петра Брока. Но я слышала...

— Что ты слышала? Скорее! Морская Чайка идет сюда...

— Я знаю, что когда-то Петра Брока звали совсем иначе... Он, единственный сын андалузского короля, удрал из дому и стал грабителем!

— Грабителем?

— Да, но каким! Он вскрывал сейфы в банковских подземельях, а золото, несметные сокровища, раздавал беднякам. Грабитель, который грабил грабителей!

— Не знаю... Ничего не знаю. Ничего не помню!

— Пять лет полиция гонялась за ним, но так и не смогла поймать. А спустя много времени, когда эта игра ему надоела, он явился с повинной и сам стал сыщиком. Принц-сыщик! Вот каков Петр Брок!

Синий стальной «колибри» стоит посередине площадки и нетерпеливо урчит. Лорд Гумперлинк машет принцессе рукой.

— До встречи!

— Скажи мне еще раз: Петр Брок — это ты?

— Я!

Последнее объятие на глазах ничего не понимающего Гумперлинка, и принцесса усаживается в синее кресло «колибри».

Сиденье рядом с ней остается пустым.

XXXVII.

Сирены тревоги. — Приказ об аресте Петра Брока. — Резиденция Муллера. — Брок приближается к Муллеру. — Сначала нужно искупаться

Когда «колибри» с принцессой стал черной точкой на голубом горизонте, Брок вернулся в Муллер-дом и тихо закрыл за собой ворота. Он хотел убрать все следы, которые могли бы привести погоню к этому висячему аэродрому. Брок решил отдохнуть в опустевшей спальне лорда Гумперлинка и дожидаться там наступления муллердомовского дня.

Но едва ворота закрылись, он снова очутился в кромешной темноте. И пожалел — да еще как! — что забыл попросить у принцессы электрическую звездочку, которая освещала им дорогу. Брок сделал наудачу несколько шагов — и замер!

Над головой вдруг раздался пронзительный разбойничий свист. И тотчас же взвыли сирены тревоги, а в переулок выплеснулись потоки света.

Захлопали, распахиваясь, окна и двери, из них таращились сонные физиономии.

— Что случилось? Что такое?

И словно в ответ сверху прогремел голос:

— Сбежал Петр Брок. Схватите его!

Толпа полуодетых людей выскочила из бокового коридора. Кинжалы, палки, револьверы, сети, арканы, противогазы. Матовые шары фонарей освещают растерянные лица, на которых ужас гонимых перемешан с азартным восторгом гонителей.

Брок в несколько прыжков настиг разношерстную орду, словно желая примкнуть к погоне за самим собой. Он хотел узнать, что известно этим типам о его исчезновении и куда они мчатся. Слава богу, о бегстве принцессы никто пока не подозревал.

После долгой беготни по кривым улочкам они очутились на круглой, накрытой стеклянным куполом площади. По сторонам ее стояли административные здания этого этажа; одно из них, вроде ратуши с башенкой, сплошь пестрело всевозможными объявлениями и декретами.

Было там старое предупреждение насчет желтой чумы, свирепствующей на 489-м этаже, и постановление о герметизации этого этажа впредь до поголовного вымирания больных.

Другой декрет объявлял мобилизацию в связи с восстанием в пролетарском секторе.

Компания «Крематорий» уведомляла о безболезненном умерщвлении больных и престарелых.

Небезызвестный концерн «Вселенная» сулил особые льготы жильцам этого этажа, которые пожелают переселиться на звезду Л-9.

БРАТСТВО ГОСПОДА МУЛЛЕРА сообщало о молебне в честь блаженной памяти баронессы Гортензии Муллер.

Но все сгрудились возле черного плаката, на котором багровели буквы:

ПРИКАЗ ОБ АРЕСТЕ

ВСЕМ ОБИТАТЕЛЯМ ЭТАЖА э376!

Невидимый дьявол Петр Брок, искушающий нашего Великого Повелителя Огисфера Муллера и схваченный вчера в шаре зеленых зеркал, совершил побег.

По высочайшему повелению выдан ордер на его арест!

Поскольку он, скорее всего, и впредь будет бесчинствовать и нарушать покой добропорядочных обитателей Муллер-дома, призываю всех жильцов этажа э 376 бдительно следить за своими домами и улицами и о каждом подозрительном движении, которое указывало бы на присутствие невидимого провокатора, безотлагательно сообщать в муниципалитет девятого департамента.

Пожизненное пребывание в Гедонии, 100000 мулلدоров м 999 новых звезд - такова награда тому, кто сумеет схватить невидимого дьявола живым или мертвым.

Подпись: Ван Гросс, губернатор этажа э 376.

Броку уже стали надоедать долгие и бесполезные препирательства, вспыхнувшие из-за этого объявления. Но тут вдруг наступила тишина, и все устались на человека, который показался в дверях ратуши.

Брок сразу его узнал. Это был тот самый переодетый в штатское военачальник с жесткими синими глазами, который пнул его ногой, когда он лежал, опутанный сетью.

Толпа расступилась. Военный, гордо подняв голову, спустился по лестнице, в уголках его губ таилось плохо скрытое презрение. Он зашагал по улице, совершенно один. Брок двинулся за ним с мыслью о мщении.

Они вошли в лифт, и спутник Брока нажал на кнопку с цифрой 100. Когда через мгновение стрелка замерла против этой цифры, дверь кабины открылась, и Брок очутился в роскошном парке. Кругом густые кроны деревьев, укрытые в листве замысловатые лампы высвечивали их сказочные, фантастические очертания, похожие на зеленые облака. Брок шел за своим обидчиком мимо алебастровых изваяний и опаловых фонтанов, по аллее, мимо пальм и роз. Быстрым шагом они миновали арку из тысячи разноцветных струй, извергаемых двумя рядами фонтанов.

Вдали, посреди голубого озера, парил остров дивной красоты. Из веера пальм и гигантских папоротников выросал дворец, построенный как бы из солнечных лучей. Над водой висела девятицветная радуга — мост, соединяющий берега и остров. Когда они ступили на него, радужная арка неожиданно отозвалась минорным аккордом, словно заиграл невиданный девятиструнный инструмент.

Затем они беспрепятственно вошли в первый зал ожидания. Оттуда дверь вела в римские бани, где военный искупался. Брок наблюдал, как под ладонями рабынь краснеет

его кожа. Умощенный душистыми бальзамами, напомаженный и одетый на римский манер, он наконец прошел во второй зал.

Там сидели пятеро в белоснежных тогах, все — взбудораженные, вымытые, пахнущие благовониями. Ждали своего часа, нервно постукивая сандалиями по земле. Кое-кто, дрожа как в лихорадке, шептал:

— Муллер! Муллер! Муллер!

Среди сидящих Брок узнал плешивого старикашку Шварца, который специализировался на производстве газа СИО и с которым он уже однажды встречался в гостинице «Эльдорадо». Кто знает, как давно это было...

Военный направился прямо к двери, скрытой за гранатовой портьерой, на которой черным было выткано:

ПРИЕМНАЯ

Он насмешливо ухмыльнулся, обернувшись к пятерым ожидающим, чуть язык им не показал, а они побелели от зависти и покраснели от злости. Военный и его незримый спутник шагнули в приемную, и тут Брока охватила дрожь...

Наконец— то!

Наконец я на пороге разгадки страшной тайны. Еще шаг, и я увижу...

Кого?...

Человека?

Как же выглядит голова, измыслившая чудовищный Муллер-дом?

Да как бы ни выглядела, я сумею посмотреть ей в глаза!

XXXVIII.

Оригинал бога Муллера. — Баррикады на 490-м этаже. — «...придется уступить еще шестьдесят этажей...» — Витек из Витковиц жив! — Старик Шварц и его газ. — Ночью, когда враг уснет...

Царские покои. На фоне тяжелых черных занавесей на пурпурном троне восседает невероятно тучный человек в безукоризненном темном костюме. Его жирное брюхо покоится на коленях. Лицо круглое, гладкое, мудрое в своей доброте; подбородок украшен окладистой, раздвоенной, как у ветхозаветного бога-отца, бородой. Голубые глаза, словно лишенные век, пустым взглядом смотрят вперед. Если б не борода — вылитый Будда...

Это был тот самый человек, чье отлитое из золота изображение Петр Брок видел на бирже. И портрет в святилище Муллера наверняка писали с него!

Но в тот же миг Брок стало ясно, что лицо перед ним — неживое. Всего лишь маска со стеклянными глазами. Тело живет, шевелится, дышит, а вот как выглядит лицо, скрытое под маской? Отчего Муллер прячет свой истинный облик? Может, он так ужасен, что никто бы не выдержал его вида? У Брока руки чесались сорвать маску и глянуть на это лицо, каково бы оно ни было!

Однако, внимание! Человек на троне начинает говорить. Его губы едва шевелятся, но голос звучит резко и властно:

— Маршал Грант! Что ты можешь сказать об исчезновении Петра Брока?

Маршал пополз на животе от двери к самому трону. Только здесь он поднялся и униженно-смирненно пролепетал:

— О Повелитель, стражника Аокуна ночью чем-то усыпили...

— Это я знаю, стражник Аокун уже мертв! Но кто посмел...

— О Повелитель, я думаю, этих невидимых дьяволов несколько! Другого объяснения нет!

— Да, если не принимать во внимание халатность стражника! А сражение на лестнице пятьсот пятьдесят пятого этажа, которое ты позорно проиграл, мой маршал?!

— О Повелитель! — воскликнул Грант. — Я не виноват! Эти бандиты тайком спустились на десять этажей и атаковали нас с тыла!

— Настоящий военачальник не забывает о своем тыше! Осел! Как складывается обстановка на сегодняшний день?

— Они окружили три линии нашей обороны. Нашим солдатам пришлось пробиваться из окружения. Тем не менее потери минимальны — восемьсот убитых, две тысячи раненых, полторы тысячи в плену. Мы отошли на шестьдесят этажей. В четыреста девяностом секторе их продвижение остановлено наскоро сооруженными баррикадами.

— Я видел ваше паническое бегство и всю вашу трусость. Какие трофеи они захватили?

— Почти никаких, о Повелитель! Филиалы складов перед отступлением удалось вовремя эвакуировать...

— Лжешь! — крикнул голос. — Я сам видел амбары, доверху засыпанные зерном, видел штабеля консервных банок, холодильники, набитые мясом, подвалы, полные вина. Все это теперь в их руках. Знаешь ли ты, животное, что через десять дней мы, возможно, ощутим нехватку продовольствия? Ты никогда не испытывал голода? Ничего, испытаеть, в камере обреченных на голодную смерть!

— О, Повелитель! — Грант бросился к его ногам. — Дай мне пятьдесят тысяч человек, и я клянусь загнать этих бандитов на крышу. Верну назад каждое зернышко, каждую консервную банку. У меня есть великолепный план! Уступим еще шестьдесят этажей, пусть их армия войдет в Вест-Вестер, пусть упьется там вином и водкой. Сотня этажей, где на каждом шагу кабаки, бары, проститутки, воры и убийцы, охладят их революционный пыл, ржавчиной разъедят их железную дисциплину. А винные погреба довершат этот гибельный процесс. Ведь их терзает мучительная жажда — вода на исходе. Пленные рассказывают, что они уже мочу пьют и кровь убитых.

— Да, маршал, иной раз голова у тебя неплохо работает, особенно когда со страху штаны обмочишь! Но не забывай, Витек из Витковиц еще жив! Ни один из вест-вестерских головорезов с ним не справился. Впрочем, тебя бросят в голодный карцер не раньше, чем мы вернем себе тюрьмы. Так что заботься пока о своем брюхе, копи сало, чтоб было чем питаться! А теперь — вон отсюда!

Маршал Грант побрел прочь, униженный, как потерпевший поражение генерал. За ним вошел старик Шварц. Он тоже пал ниц перед тронem и смиренно приложился к левой штанине Муллера.

— Ты звал меня, о Повелитель? — пролепетал он елеиным голоском.

— Как тебе известно, твои дружки из «Эльдорадо» с треском провалились. Гипнотизер Мак Досс вообще не вернулся от Витека. Затея Чулкова также окончилась неудачей, хорошо хоть ноги унес. Перкера схватили и в наказание отравили его собственным ядом. У меня в запасе, правда, есть еще Орсаговы бациллы, но Орсаг нужен мне сейчас для другого... Итак, поглядим, на что способен ты! Ты можешь заготовить большое количество своего газа?

— Я выпускаю карманные баллоны, о Повелитель, это доза для одного человека. Я ведь нищий, о Повелитель, нет у меня средств. По доброй воле никому стареть неохота...

— Сколько людей ты можешь состарить одновременно, если будешь выпускать свой СИО большими партиями?

— Весь Муллер-дом, о Повелитель, за одну ночь в богадельню превращу, — захихикал старик.

— Я хочу, чтобы ты применил свой СИО против армии рабов на четыреста девяностом этаже. Речь идет примерно о двадцати тысячах молодых рабов. Сколько

времени тебе надо для производства необходимого количества газа?

— Двадцать тысяч человек? Восемнадцать тысяч галлонов, восемьдесят шесть мулльдоров. Время роли не играет...

— Значит, завтра?

— Завтра!

— Учти, у рабов есть противогазы — они разворовали наши склады. До сих пор все наши газовые атаки были безуспешны.

— Не велика беда! Пусть наши войска отступят еще на один этаж, а на оставленной территории бросят мехи с газом. Ночью, когда враг уснет...

— Хватит, мастер Шварц! Назначаю тебя главным адъютантом маршала Габлера! Вон!

Старикашка еще раз приложился к левой штанине Муллера, мелкими шажками, руки по швам, попятился и исчез за портьерой.

Его место занял маршал Габлер.

Череп у него был розовый, лысый, словно полированный. Вначале Броку даже показалось, что у этого розового, безупречной формы шара вовсе нет лица. Потом он разглядел по бокам два махоньких уха и, только глянув на Габлера спереди, увидал, что в одном месте идеальная поверхность подпорчена каким-то морщинистым изъязном. Размером он был с ладонь, но на нем весьма оригинальным образом разместились крохотные выпуклости и впадины. Что и было лицо Габлера, нового маршала.

— Маршал, — произнес голос, — восемьдесят тысяч человек ждут твоих приказаний.

— О Повелитель!

— Завтра утром к тебе явится твой главный адъютант Шварц.

— О Повелитель!

— Немедленно отправляйся на четыреста девяностый этаж. Войска двинулись по главной лестнице еще ночью. Утром они должны быть на месте! Остальное тебе сообщит Шварц!

— О Повелитель!

— Вон!

XXXIX.

Снова Ачорген. — Белая пушинка на плече Муллера. — Орсаг бросается на помощь. — Схватка на полу. — "Держите его!..." "

Только Габлер удалился, как из-за черной портьеры за троном вышел принц Ачорген.

Брока его появление ничуть не удивило.

Ачорген сумел избавиться от пут и сразу же пришел к своему хозяину. Стало быть, Муллер уже знает об исчезновении принцессы! Поэтому Броку было до крайности любопытно, что за разговор состоится сейчас между неподвижным Муллером и его коварным секретарем. Вдруг Муллер даже маску снимет, чтобы отдохнуть: ведь от Ачоргена ему наверняка скрывать нечего. Но странное дело! Ачорген молча обошел трон, без малейшего намека на почтительность поднялся по ступенькам к Муллеру, поправил его руку на подлокотнике трона, смахнул белую пушинку с плеча и разгладил бороду.

Брок опешил от изумления. Неужто в этом надутым мешке нет ни капли крови? Лицо из воска, это сразу видно, но неужто все это — только чучело? Значит, не Муллер?! Так отчего же эти негодяи ему поклоняются?

Где же настоящий Муллер?

Может, его вовсе нет на свете?

А как же голос?

Где горло, в котором он рождается?

Или, может, это и вправду Муллер, только разбитый параличом? Может, все его тело парализовано и работают лишь легкие и сердце? А мозг? А рот?

Брок взбежал по ступеням к трону. Приложил, чтобы удостовериться, руку к левой стороне могучей груди. Сердца не было. Наклонился к губам, сложенным в улыбку. Дыхания — тоже!

И еще одна проверка — булавкой в живот! Если он живой, то взовьется от боли!

Как вдруг — и-и-и-и! — тонко запищала проколота резина.

Муллер на троне начал стремительно худеть. Живот на глазах опадал, головка склонилась набок, маска добродушия вместе с бородой сморщивалась с каждой секундой. В конце концов то, что совсем недавно было человеческой фигурой, превратилось в жалкую кучку черных тряпок.

Принц Ачорген наблюдал за скоропостижной гибелью лже-Муллера с каким-то злорадным удивлением. Но внезапно, будто опомнившись, в испуге закричал:

— Он уже здесь!

В ту же секунду сверху грянул голос:

— Орсаг!

Черная портьера раздвинулась, и из ее складок вынырнул слепой Орсаг. Руки он поднял к вискам, линзы таращились, будто глаза хищной птицы. Вероятно, он стоял там наготове бог знает с каких пор... Было ясно, что Брока здесь ждали! Так, может быть, все это просто новая ловушка?

Брок затаил дыхание. Но отскочить в сторону он не успел — в горло ему вцепились острые когти.

— Помогите! — заорал Орсаг, и словно в ответ сверху послышался пронзительный свист. Потом кто-то крикнул:

— Ачорген!

Но принц не пошевелился. В безумной схватке не на жизнь, а на смерть участвовали лишь его глаза. Изумленные, недоверчивые, оплетенные сеткой морщин, они все время меняли цвет и выражение.

Брок и Орсаг вначале дрались стоя, потом рухнули на пол. На толстом ковре Орсаг несколько раз перевалился через своего невидимого противника. Брок сумел отодрать руку Орсага от своего горла, но потратил на это столько энергии, что тот придавил его. Отчаянным рывком Брок высвободил руки, зато Орсаг опять вцепился ему в горло. Собрав последние силы, Брок рванулся, выдернул руки из-под колен Орсага и сорвал с его висков коробочки. Что-то лопнуло. Руки на горле Брока мгновенно разжались. Тело Орсага обмякло.

Брок вскочил на ноги. И очень вовремя! Портьера распахнулась — на фоне черного бархата возникли десятки голов в блестящих шлемах.

Петр Брок бросился к двери, слыша за спиной крик:

— Держите его!

Радужный мост под его ногами отозвался отчаянным аккордом. Между пальмами засверкали шлемы, мост не допел еще свой тревожный диссонанс.

Брок прыгнул в лифт и нажал кнопку номер 490.